

**В. В. Горшкова¹,
А. А. Мельникова²**

СВОЕОБРАЗИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ РОССИИ КАК ОСНОВАНИЕ ЕЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКИ

Размышляя над прогнозом успешности России в цивилизационной динамике, правомерным и продуктивным представляется обращение к специфике нашей ментальности — уверенность социологов в том, что «особенности российского, а точнее, русского менталитета несомненно влияют на успешность текущих трансформаций»³, выражается в наличии целого ряда исследовательских работ подобного рода. В качестве стандартного метода выступает сравнение характеристик по российским выборкам с характеристиками «модерной личности», которая и служит неким эталоном, носителем модернизационного потенциала⁴. Причем характеристики такой личности сформулированы западными исследователями, которые, хотя и не всегда совпадают в своих мнениях, однако пересекаются в базовых параметрах. Так, индивидуализация как форма адаптации к социальным переменам, принятие плюрализма мнений, мобильность (социальная, географическая, культурная), готовность к инновациям, ценность образования у Инкелеса⁵ перекликаются с переменными, предложенными Ш. Шварцем⁶: автономия (соотносится с индивидуализацией), в том числе и интеллектуальная (соотносится с плюрализмом мнений), стремление к изменению среды «под себя» и отсюда — ценность мастерства (у Инкелеса — образования) и та-

ланта (соотносится с открытостью инновациям), равноправие (опять плюрализм). Согласно этим критериям россияне не обладают чертами личности с модернизационным потенциалом⁷.

При анализе данных параметров обращает на себя внимание факт схожести характеристик «модерной личности» с ценностями индивидуалистических культур. Однако не только получающие высшие баллы по перечисленным критериям американцы или немцы лидируют при сравнении экономических достижений, но и демонстрирующие прямо противоположные характеристики японцы и китайцы. Таким образом, сопоставление результатов в экономике поднимает проблему неоднозначности (как минимум) критериев модернизационного потенциала личности.

Сопоставление же выделенных критериев с «побочными» результатами цивилизационной деятельности проявляет другой параметр выявленной неоднозначности, не только указывая на возможности цивилизационной динамики для «немодерновой личности», но и поднимая вопрос о соответствии выделенных в качестве основы модернизационного потенциала характеристик умению решить вставшие перед цивилизацией актуальные задачи. Экологические катастрофы, происходящие в результате потребительского отношения к природе, экономические и политические кризисы, связанные с деятельностью «модерной личности», заставляют переосмыслить взятые за основу как способствующие успешной цивилизационной динамике признаки модерности. Ощущение себя автономным плюс стремление изменить среду под себя, усиленные акцентом на личные достижения, являлись позитивной основой для профессионализации, оттачивания мастерства, способствовали научно-техническому прогрессу. Однако эти же качества не просто приводят к изменению природы, но и к уничтожению ее; ориентация только на свои интересы при игнорировании интересов других наций обуславливает политические и экономические кризисы. Для гармоничного существования на Земле цивилизация в лице представляющих ее стран должна решить вопрос не изменения под себя (природы, других наций), а согласования. И в этом аспекте культурные паттерны России подходят гораздо лучше, чем нормы американской и западноевропейской культур.

Каковы эти паттерны? В качестве базового, безусловно, выступает коллективизм — сейчас, с возникновением новых задач, коллективизм предстает в ином свете. Именно он формирует у своих членов ощущение всеобщей связанности, причем не только со своей группой, но и в целом — с миром. Такой подход, соединенный с характерной для коллективистов забо-

¹ Декан факультета культуры, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, посвященных проблемам педагогики, философии и технологии образования, в т. ч. 30 монографий и учебных пособий: «Проблема субъекта в педагогике», «Межсубъектная педагогика: тенденция развития», «Взрослый как субъект непрерывного профессионального образования», «Педагогическая философия Джона Дьюи», «Образование взрослых как феномен культуры, социальный институт и образовательная метасистема», «Диалог в образовании человека», «Мир конфликта: субъект и реальность» и др. Член редакционного совета «Педагогического журнала». Награждена медалью К. Д. Ушинского «За заслуги в области педагогических наук».

² Профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Политика глобализации и глубинные основания культур», «Культуролого-лингвистический аспект образовательной стратегии», «Универсалии цивилизации vs глубинных оснований русской культуры: причины противостояния», «Анализ синтаксиса как метода познания национальной ментальности: русская онтология и гносеология в зеркале языка», «Национальное мировидение в языке: формы отражения», «Язык и этнические характеристики» и др.

³ Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2009. С. 65.

⁴ Руднев М. Г. Базовые ценности населения: сравнение россиян с жителями других европейских стран : дис. ... канд. соц. наук. М., 2009.

⁵ Inkeles A. A model of the modern man: theoretical and methodological issues // Comparative Modernisation / ed. C. E. Black. N. Y. : Free Press, 1976. P. 320–348.

⁶ Schwartz S. H. Beyond individualism/collectivism: New cultural dimensions of values // Individualism and collectivism: Theory, method and applications / eds. U. Kim, H. C. Triandis, G. Yoon. Thousand Oaks, CA : Sage, 1994. P. 85–119.

⁷ Маргун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности—2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами // Социологические исследования. 2010. Т. 49, № 4. С. 3.

той, при соответствующих социальных акцентировках представляется необходимой основой для цивилизационной динамики нового типа — согласованной трансформации.

Дополняет полученную картину анализ ментальных доминант россиян. Результат выделения доминирующих тем и порядок их ранжирования следующий¹. В русской выборке: 1) 32 % всех ответов — целенаправленность (с противоположными полюсами «бесконтрольность» и «самоконтроль»); 2) 29 % — оценка (аморальность/моральность); 3) 14 % — сила личности (уверенность/неуверенность). Именно деятельность обозначилась в качестве главного фактора при ранжировании в российской выборке, то есть деятельностная активность имеет доминирующую значимость в пространстве русской ментальности. Причем для русской ментальности основным является целенаправленность деятельности. Результаты ранжирования не только разводятся по биполярному принципу, но и внутри выделенного класса произошла группировка по пяти (!) уточняющим особенностям целенаправленности подкластерам. Такая детализация, с одной стороны, подтверждает значимость данного фактора, а проработанность показывает еще и намерение, промаркировав проблемы, успешно с ними справиться; с другой стороны, такая детализация открывает направленность на вычленение особенностей, тонкостей, различных составляющих деятельностного процесса. Эти пять подкластеров проявляют значимые для русского менталитета моменты целенаправленности (объекты критического внимания и корректировки). Значимость фактора «целенаправленность» позволяет предположить, что в русской ментальности важна деятельность не сама по себе, как любой вид труда, а именно соответствующая определенным, культурно значимым целям-ценностям.

Важность данного результата особенно видна в контексте теории М. Вебера. Немецкий ученый, анализируя специфику современной западной цивилизации, в качестве доминирующей тенденции отмечал замену внутренней приверженности следованию ценностям

на доминирование соображений интереса за счет вытеснения ценностных нормативов. Исследуя динамику оснований экономического поведения человека нового поколения, Вебер отмечал постепенное вытеснение поведения, основанного на традиции, поведением, основанным на эмоциях; последнее вытесняется ценностно-рациональным поведением, при котором значимым является не только цель, но и то, какими ценностями при этом руководствуется человек. Современное же состояние западной цивилизации трактуется им как время, когда ценностно-рациональное поведение вытесняется целерациональным, при котором как предметы внешнего мира, так и другие люди выступают лишь средствами для рационально направляемых и регулируемых целей. В то же время для российской ментальности, как показало вышеприведенное исследование, характерным является именно соотношение целевой направленности с ценностными ориентирами.

Осмысление глубинных оснований русской культуры открывает их оппозиционность базовым принципам западной (прежде всего американской) культуры. Однако если раньше несовпадение, даже противопоставление трактовалось как свидетельство нашего отставания от цивилизационной динамики, основой для которой выступала наша внутренняя «немодерность», то теперь возникает новое видение этой оппозиционности, при которой ставятся другие акценты: внутренняя духовность / внешняя религиозность, коллективизм/индивидуализм, эмоциональность/рациональность, справедливость / формальная законность, нестяжательство / культ денег — этот ряд можно продолжить. В таком контексте осмысление оснований нашей национальной ментальности, включающих ориентацию на ценности, важность сообщества людей, а не только личности как отдельной единицы, значимость контакта с миром, гибкость при вписывании в ситуацию, еще раз подтверждает наш вывод: именно в специфике российского менталитета заложены принципы, соответствующие новым целям и задачам цивилизационной динамики.

¹ Петренко В. Ф. Основы психосемантики. СПб., 2005. С. 240–273.